

благосклонной, а тѣмъ паче власти христіанской, общающей Церкви свое покровительство. Сергіанское направленіе грозитъ лишитъ Церковь плодовъ ея кроваваго очищенія. Столь мучительно разорванныя узы съ государствомъ, завяжутся вновь, и при томъ въ самой невыгодной для Церкви обстановкѣ. Снова — политика, политиканство, полиція на мѣстѣ святѣ; отлученія отъ церкви монархистовъ, республиканцевъ, социалистовъ — все равно, кого; а главное — защита неправды, социальной, политической, тѣмъ болѣе опасная и соблазнительная, что она имѣетъ за собой вѣковую традицію.

Этимъ обоимъ путямъ — расколу и

государственному рабству — противопоставляется путь свободы, путь патріарха Тихона. Только этотъ третій путь пожинаетъ достойно жатву крови, посѣянную мучениками, и не обезпложиваетъ терпѣнія и страданія миллионновъ страстотерпцевъ. Правда этого третьяго пути, мы вѣримъ, сознается большинствомъ духовенства и мірянъ русской Церкви, къ чьей бы юрисдикціи они ни принадлежали. И они найдутъ свою дорогу, руководимые Духомъ Святымъ, даже въ томъ случаѣ, если заблудившіеся пастыри покинутъ ихъ посреди пути.

Г. Федотовъ.

Отвлеченно-духовная церковность.

Въ отвѣтной статьѣ Г. П. Федотова поставленъ новый рядъ сложныхъ жизненныхъ темъ. Къ нимъ, какъ и къ темамъ, оставшимся не затронутыми отъ первой статьи, Богъ дастъ, вернемся въ слѣдующей статьѣ и этимъ закончимъ пока обсужденіе этого цикла темъ. Но о многомъ, что затронуту въ статьѣ Г. П., нужно сказать, хотя бы очень кратко, сейчасъ же, чтобы не было недоразумѣній, чтобы расчистить почву для правильныхъ отвѣтовъ на волнующіе жгучіе вопросы.

**

Прежде всего — говоря о духовенствѣ, я имѣлъ и имѣю въ виду прежде всего и больше всего именно его церковное служеніе, какъ клира, какъ «соціальной формы», для которой пастырскій долгъ, пастырская совѣсть, пастырская отвѣтственность есть основное и опредѣляющее. Особенности психологіи духовенства, какъ «соціальной формы», отмѣчены потому, что, исходя изъ нихъ, легче правильно понять современный церковный путь духовенства, форму церков-

наго служенія. Духовенство оказалось той частью единаго церковнаго организма, которой больше всего и болѣе всего приходится выносить тяжесть религіозной борьбы. Вѣрующіе рабочіе, крестьяне, интеллигенція не такъ обнажены, беззащитны противъ систематическаго культурнаго и бытового гнета, удушенія религіозной жизни. У нихъ есть извѣстныя гарантіи, возможность самозащиты, возможность укрыться за коллективъ, даже просто утонуть, быть незамѣтнымъ среди массы, среди безликаго «всѣ». Вся тяжесть гонимаго положенія цѣликомъ и непосредственно обрушивается — ощутительнѣе всего и по преимуществу — на духовенство. Духовенство, именно потому, что оно духовенство, потому, что вся жизнь и дѣятельность его есть словное, какъ бы матеріально выраженное служеніе духу, обречено на страданіе, на мученичество за Христа. Для духовенства въ совѣтской Россіи нѣтъ иного пути, иной жизни, какъ путь непрерывнаго, ставшаго формой повседневной жизни, тихаго

мученичества. Злоба ищетъ объекта, требуетъ, чтобы кто то былъ выданъ ей на пропятіе, и этимъ «выданнымъ» оказалось русское духовенство.

Основной смыслъ мученичества — свидѣтельствованіе, удостовѣреніе того, что все готовъ отдать, на все готовъ, даже на смерть, во свидѣтельствованіе, въ жизненное удостовѣреніе правды, несомнѣнности того, чему вѣрую, чему служу, чему жизнь отдаю. Между прочимъ, эта вѣрность не сословію, не «соціальной формѣ» въ его эмпириі, а идеѣ сословія, идеѣ служенія данной соціальной формы и составляетъ душу, смыслъ чести «соціальной формы». Но объ этомъ — позднѣе. Не случайно церковный языкъ наименовалъ мучениковъ — *martyres* **свидѣтели**, подчеркивая этимъ, что основное въ мученичествѣ, природа мученичества, то, что мучениковъ дѣлаютъ мучениками въ церковномъ смыслѣ слова, есть прежде всего свидѣтельство объ истинѣ, утвержденіе чрезъ свою вѣрность истинѣ — въ самыхъ разнообразныхъ формахъ — ея непреложности. Самая временно-пространственная оболочка мученичества, т. е. «пролитіе крови» или «не пролитіе» — **не имѣетъ рѣшающаго значенія**. Тѣмъ, что угла лишены, въ рубищахъ ходитъ обречены, дѣтей учить не могутъ, права на трудъ, на пропитаніе не имѣютъ, поставлены въ положеніе людей внѣ всѣхъ самыхъ минимальныхъ благъ, которыя государство, общество обезпечиваютъ даже преступнымъ своимъ членамъ, и все же остаются служителями духа, духовенство, всѣ служители культа **свидѣтельствуютъ**, мученически свидѣтельствуютъ, что живъ Христосъ, что побѣждаетъ духъ, а не плоть. Но духъ не отвлеченный, внѣвременный и внѣмірный, а человѣческой, въ плотяно-кровяномъ облеченіи, въ условіяхъ и фор-

махъ, связанныхъ съ психологіей этого плотяно-кровяного облеченія.

Духовенство въ своихъ страданіяхъ остается «соціальной формой», но страдаетъ то оно за всю Церковь, за все Православіе, за все Христіанство. Поэтому противопоставленіе «Церковь или духовное сословіе» — законное и возможное само по себѣ, считаю не возможнымъ, не вѣрнымъ по отношенію къ положенію и значенію дѣла духовенства въ современной Россіи. Духовенство несетъ крестъ мученичества во имя вѣрности Церкви, пастырской отвѣтственности за души пасомыхъ, сознавая себя частью цѣлаго, а не противопоставляя себя ему. Служеніе духовенства есть всецерковное, общецерковное.

**

«Соціально-бытовая форма» отнюдь не ведетъ къ умаленію, упраздненію личной отвѣтственности; наоборотъ, повышаетъ ее, укрѣпляетъ, **обязываетъ къ особой личной отвѣтственности**. И чѣмъ сильнѣе и тоньше развито чувство чести своей соціальной формы, тѣмъ сильнѣе и определеннѣе сознаніе отвѣтственности за нее, тѣмъ рѣшительнѣе противодѣйствіе — личное — всякимъ попыткамъ скопомъ, коллективомъ погрязнуть эту честь. Именно тѣ, въ комъ наиболѣе развито сознаніе чести, скажемъ, полка, въ минуту, когда «полкъ идетъ въ плѣнъ сдаваться», или воспрепятствуютъ этому, или съ оружіемъ въ рукахъ погибнуть.

Честь «соціальной формы» нельзя смѣшивать, а тѣмъ болѣе отождествлять со стадностью, слѣпымъ подчиненіемъ волѣ большинства. Честь — прежде всего и больше всего борьба за силу и воплощеніе вѣчной Божіей правды, которой служитъ данная соціальная форма.

**

Г. П. Федотовъ полагаетъ, что фактъ обновленческаго движенія заставляетъ болѣе

чѣмъ осторожно относиться къ способности духовенства предпочитать общецерковные интересы своимъ сословнымъ. Онъ опасается, что духовенство не всегда способно провести достаточно ясно границу между своимъ сословіемъ и нуждами церкви, что духовенство подвержено соблазну отождествлять одно съ другимъ. Вопросъ объ обновленческомъ движеніи, его содержаніи и смыслѣ — вопросъ большой и сложный. На немъ надѣемся подробно остановиться позднѣе. Сейчасъ же только со всей рѣшительностью во имя правды и безпристрастія нужно отвергнуть мысль, что духовенство, какъ цѣлое, отвѣтственно за обновленчество, что обновленчество — «словное движеніе». Обновленчество въ той формѣ, какъ оно опредѣлилось, было преломленіемъ въ церковной жизни, въ церковныхъ условіяхъ того російскаго нигилизма, того духа мечтательности и безлюбога реформаторства, умѣвшаго только ненавидѣть «старый строй», не видѣвшаго во всемъ прошломъ ничего, кромѣ грязи, пороковъ, и преступленія, который растлилъ крѣпость Россіи.

Обновленчество, такъ какъ оно проявилось, плоть отъ плоти и кость отъ костей революціонно-нигилистической «бѣсовщины», которая овладѣла Россіей, которая не знала жизни, не любила ея, даже ненавидѣла жизнь, потому что жизнь не хотѣла итти по схемамъ, по «принципамъ», не хотѣла самоупраздниться во имя теоріи. вмѣстѣ съ тѣмъ обновленчество, обманно провозгласило въ качествѣ своей программы осуществленіе многаго изъ того, о чемъ болѣли, о чемъ думали и молились, плакали въ тиши келій, въ тѣсныхъ профессорскихъ кабинетовъ, въ горницахъ поповскихъ домовъ кристально-чистыя, огненные сердца лучшихъ представителей Русской Православной Церкви. Неудивительно, что пока не обнаружилась подлинная природа обновленче-

ства, многіе и лучшіе представители русскаго духовенства повѣрили ему.

Да, м. Сергій въ началѣ повѣрилъ обновленчеству, потому что былъ горячъ въ своей скорби о недочетахъ и язвахъ церковной жизни, потому что онъ ближе, чѣмъ кто либо другой, зналъ эти язвы, молилъ и молился объ ихъ исцѣленіи. Но онъ же, когда увидѣлъ подлинное лицо обновленчества — не просто отошелъ отъ обновленчества, а покаялся, уничиженіемъ и смиреніемъ омылъ грѣхъ чистаго заблужденія, грѣхъ порывистой любви, и думается, совершаетъ церковный грѣхъ соблазна и неправды тотъ, кто попрекаетъ его «пребываніемъ въ обновленчествѣ».

**

Не было и нѣтъ презрительнаго отношенія къ церковной интеллигенціи. Но — особенно въ церковныхъ дѣлахъ, — страшны и опасны мечтательность, реформаторскій радикализмъ, какъ «слѣдствіе абстрактнаго отвлеченно-духовнаго «принятія» церкви, безлюбоваго подхода къ прошлому, — особенно отрицательному, — исторической церкви; подхода къ церкви съ «точки зрѣнія». А склонность къ этому есть у «церковной интеллигенціи». Церковная интеллигенція, — разумѣя подъ этимъ представителей интеллигенціи, «возвратившейся къ церкви», — склонна отрицательно относиться къ миувшему, дореволюціонному періоду Русской Церкви, склонна видѣть въ немъ только темное. Существуетъ такая схема: было казенное благочестіе, была официальная церковь, прислужница государства. Церковная школа «плелась въ хвостѣ» западнаго богословія, не создала ни одной глубокой, творческой богословской системы; оригинальные, крупные таланты, за рѣдкими, счастливыми исключеніями, отсутствовали въ ней. Огромная, сложная, таинственная жизнь Церкви, не знавшая оскуднѣнія, рождавшая

праведниковъ, творившая чудеса, немолчно слагавшая свои «откровенныя рассказы странника духовному отцу»; напряженныя богословскія и философскія творческія исканія, никогда не умиравшія въ духовной школѣ, наукѣ, постоянно воодушевлявшія ихъ — все это не замѣчается, не попадаетъ въ поле «точекъ зрѣнія». Грѣшно, можетъ быть, такъ говорить, а часто невольно кажется, что для части изъ обратившейся интеллигенціи, позднѣйшая исторія Русской Церкви дѣлится на два періода — отъ Петра до возвращенія интеллигенціи, и отъ возвращенія интеллигенціи до нашихъ дней. И только съ возвращеніемъ интеллигенціи, собственно, и начинается въ собственномъ и прямомъ смыслѣ церковная исторія. Отсутствіе живого, смиреннаго и любовнаго принятія всѣмъ сердцемъ прошлаго Русскаго Православія — не только въ его свѣтломъ, но и темномъ, — принятія его, какъ **прошлаго моей матери**, переживанія всѣхъ ея историческихъ согрѣшеній, недостатковъ и паденій, какъ и моей вины, моего грѣха, который и я долженъ искупить — вотъ что страшитъ. Принять не значитъ утвердить, какъ должное, какъ праведное. Г. П. Федотовъ полагаетъ, что принять что-либо значитъ стать соучастникомъ, признать принятое должнымъ. Христосъ Спаситель взявъ, принявъ грѣхи міра и, однако же, это совершенно не означаетъ, что Онъ раздѣлилъ грѣхъ, сталъ соучастникомъ грѣха. Но любовь спасающая, печалующаяся о человѣкѣ снисходила къ грѣшникамъ до принятія ихъ грѣховности, немощности, какъ, «данности», въ формахъ и условіяхъ которой Спаситель совершалъ свое дѣло. Снисхождение до грѣшнаго міра, принятіе его грѣховности многихъ соблазняло; Единаго Безгрѣшнаго считали «грѣшникомъ», «ядцей и пійцей» (пьяницей и сладкоѣжкой) (Мф.

11, 19) потому, что Онъ въ Своей милосердствующей любви былъ «другомъ мытарей и грѣшниковъ» (Лук. 7. 34).

Для того, чтобы очистить, омыть отъ недолжнаго, неправеднаго въ церковномъ подвигѣ надо очищаемое принять любовью. Въ любви милующей «вмѣнить его и себѣ», понести всю тяжесть, всю неприглядность принимаемаго. Отсутствіе «принятія» — именно въ этомъ смыслѣ — церковнаго прошлаго чрезвычайно опасно и невѣрно. Въ прошломъ Русской Православной церкви, въ прошломъ Русскаго Православія было много скорбнаго, темнаго, недолжнаго. Многое неизбѣжно, какъ историческое наслѣдіе, остается и теперь. Оно подлежитъ исправленію, искорененію. Но не смѣетъ судить, не долженъ браться за исправленіе, за «омываніе» тотъ, кто только ненавидитъ, кто не умѣетъ и не можетъ любить это прошлое. Оно достойно осужденія, праведно подлежитъ измѣненію, можетъ быть, даже отсѣченію, но сердце того, кто вынужденъ судить, отмѣнять, призывать къ отсѣченію, должно кровью обливаться отъ того, что приходится измѣнять, отсѣкать. Нужно скорбно любить даже заслуживающее отсѣченія, какъ часть «плотяного» облегченія церковной исторіи. Только на путяхъ такой скорбной любви, любви сожалѣющей и трезвой, возможно подлинное возрожденіе Церкви. Внѣ этого — разрушительность и радикализмъ «точекъ зрѣнія», страстей логики, обновленчески-реформаторскій нигилизмъ и новый церковный расколъ.

Вѣдь и старообрядческій расколъ былъ вызванъ тѣмъ, что при принципиально вѣрныхъ «точкахъ зрѣнія» дѣятели исправленія не имѣли этой любви къ минувшему, даже въ его ошибочномъ, не чувствовали того, что оно стало плотью и кровью церковной дѣйствительности,

были «радикалами» — во имя принципа «правильности».

* * *

Теперь относительно самого большого и опаснаго непониманія. «На вопросъ о границахъ допустимаго для христіанина (въ сов. условіяхъ) компромисса, И. А. отвѣчаетъ: никакихъ границъ, — вплоть до отреченія отъ Христа», полагаетъ Г. П. Федотовъ. Спаси и сохрани Господи отъ этого, и я радъ, что могу, если кто и понималъ такъ, уточнить и уяснить свою мысль.

Покойный архіепископъ Иларіонъ писалъ когда то относительно положенія Русской Церкви въ совѣтскомъ государствѣ «только кабинетные мечтатели могутъ думать, что такое огромное общество, какъ наша Православная Церковь со всею ея организациею, можетъ существовать въ государствѣ, спокойно закрывшись отъ власти; всѣ, желающіе блага Церкви, сознаютъ необходимость для Русской Церкви устроиться въ новыхъ историческихъ условіяхъ».

Можно мечтать о томъ, что останется только церковь «исповѣдниковъ», уходящихъ — куда? — отъ совѣтской дѣйствительности, не принимающихъ ея, какъ «данности», въ формахъ и условіяхъ которой придется дѣйствовать. Но какъ быть со всей массой народа, который живетъ въ этой дѣйствительности, никуда не можетъ уйти отъ нея, просто потому, что не можетъ перестать существовать, зарабатывать средства къ пропитанію, и хочетъ быть въ церкви, ищетъ церковнаго окормленія, ищетъ въ ней утѣшенія, очищенія, спасенія. «Потаенная», укрывшаяся отъ государственной власти, существующая внѣ условій и формъ совѣтской дѣйствительности, ушедшая отъ народа церковь при такихъ условіяхъ не будетъ ли просто только грѣховной игрой въ святость, свидѣтельствомъ мечтательности, утраты чувства реальности?

Слова архіеп. Иларіона не оставляютъ въ этомъ отношеніи никакихъ сомнѣній. Поэтому большинство и іерарховъ и мірянъ сознаетъ, что неизбежно нужно добиться возможности открытаго, легальнаго существованія въ условіяхъ совѣтской государственности, принять послѣднюю, какъ данность, въ формахъ и условіяхъ которой придется дѣйствовать. Принятіе «формъ и условій» совѣтской дѣйствительности не означаетъ принятія сдержанія, сути совѣтской дѣйствительности, принятія тѣхъ цѣлей, какія ставитъ себѣ совѣтская власть, не пробуетъ соучастія въ пропагандѣ безбожія, «вплоть до отреченія отъ Христа».

Попытка уйти отъ тяжкаго историческаго креста, укрыться отъ «формъ и условій» была бы, дѣйствительно, духовной измѣной и Христу, и своему народу, подлиннымъ отреченіемъ отъ Христа во имя идеи христіанства.

Никакой замѣны, никакой подмѣны «отлученія» «отреченіемъ» не происходитъ. Народъ палъ, народъ мой во грѣхъ и беззаконіи, даже какъ будто бы одержимъ Христоненавидѣніемъ, Христорбчествомъ. Но онъ не отрекся отъ Христа, вѣримъ, никогда не отречется. Онъ отпалъ, отлучился отъ Христа, возсталъ противъ Него, но возсталъ такъ, что въ самомъ возстаніи его «Христось мучаетъ». Возсталъ не въ холодной бѣсовской злобѣ, а въ буйствѣ одержимости. Развѣ Израиль, когда поклонился золотому тельцу, отрекся отъ Іеговы? Онъ тоже только отъ Него отпалъ. Грѣхъ огромный, страшный, но въ немъ нѣтъ бѣсовскаго, сознательнаго возстанія гордыни, нѣтъ холодной ненависти сознательнаго чело-вѣкобожества. Народъ мой недостойнъ Христа, по правиламъ, по канонамъ онъ долженъ быть отлученъ отъ Христа, лишень благодати таинства. Церковь — по буквѣ церковной этики — каноновъ — должна отдѣлиться, отсѣчься отъ него.

Здѣсь начинается нѣкоторое раздвоеніе, мучительная діалектика. Можно поступить согласно «церковной этикѣ», остаться съ ея правдой и отойти отъ народа, отъ его неправды, приравнять его отлученіе отъ Христа его отреченію отъ Христа. Въ «правдѣ законной», въ «этикѣ церковной» есть сила огненная, выражено должное, вѣчное, спасительное. Но вмѣстѣ съ тѣмъ — сердце, любя Христа, никогда и ни при какихъ условіяхъ не думая и помыслить объ отреченіи отъ Христа, какъ «самого себя», любить и народъ, и въ любви знаетъ, что Христоотступничество народа больше отъ буйства сердца, чѣмъ отъ сознательности злобы отреченія. Разрывается, по кругамъ огненнымъ ходитъ сердце и сознание. И любовь милующая говоритъ — если народъ мой отлученъ отъ Христа и (если не обратится), долженъ быть изглаженъ изъ книги живыхъ, то пусть вмѣстѣ съ нимъ и я, любящій Христа такой любовью, что «ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни какая другая тварь» не можетъ отлучить отъ этой любви, вѣрности Христу, буду изглаженнымъ изъ книгъ живыхъ; пусть и я буду отлученъ отъ Его любви и осужденъ.

Моисей молился объ Израилѣ «Народъ сей сдѣлалъ великій грѣхъ, сдѣлалъ себѣ золотого бога, — прости имъ грѣхъ ихъ, а если нѣтъ, то изгладь и меня изъ книги Твоей, въ которую ты вписалъ» (Исх. 32, 31, 32). Этой молитвой молится, согласно ей, живетъ и дѣйствуетъ принимающая совѣтскую данность Русская Православная Церковь. Христосъ освобождаетъ личность отъ кровныхъ связей, отъ плотяныхъ узъ, но освобожденіе, даваемое Христомъ не есть сожженіе, испепеленіе этихъ узъ — Христосъ, освобождая, одновременно и связываетъ со всѣмъ кровнымъ, плотянымъ новой силой свободной любви, ревнующей о спасеніи братій моихъ по плоти даже до готовно-

сти быть отлученными отъ Христа. Освобожденіе отъ кровяныхъ, плотяныхъ, родовыхъ, социальныхъ узъ, даваемое Христомъ, преобразуетъ прежнія натуральные, преднаходимыя связи въ новыя, въ свободѣ и любви на себя налагаемыя, такъ, что нерадѣніе о нихъ, пониманіе освобожденія отъ нихъ, какъ только «вторичнаго церковнаго освященія плоти и социальной жизни», по слову ап. Павла, есть подлинное отреченіе отъ вѣры. «Если кто о близкихъ, наиболѣе же о домашнихъ не заботится, вѣры отрекся и хуже невѣрнаго» (I Тим. 5, 8). Сохраненіе въ благодатномъ преобразеніи, обіяннѣ новымъ свѣтомъ свободы и любви всѣхъ природныхъ связей съ братьями по плоти есть такой же первофеноменъ, какъ и соединеніе личности въ свободѣ со Христомъ. Эту силу безпредѣльнаго дерзновенія любви милующей, рождаемой личнымъ свободнымъ соединеніемъ со Христомъ, имъ предполагаемымъ и его свидѣтельствующимъ, и разумѣлъ я, говоря о готовности быть отлученнымъ отъ Христа за народъ свой.

***

Въ любви ко Христу, въ ревнующей вѣрности, для которой немислимо отреченіе — границы компромисса. Желаю быть отлученнымъ отъ Христа за братіевъ своихъ, потому что служу Ему; вѣрность Ему, любовь мою къ Нему полагаю началомъ и источникомъ всякой моей дѣятельности, въ ней нахожу свободу и чрезъ нее, въ свѣтѣ и правдѣ ея, опредѣляю границы свободы. Для того, кто отрекся отъ Христа, уже нѣтъ никакого подвига въ томъ, что онъ «готовъ быть отлученнымъ отъ Христа». И то, и другое такъ другъ съ другомъ связано, такъ непосредственно очевидно, что второе имѣетъ смыслъ и цѣну только тогда, когда сердце таетъ отъ ревнующей вѣрности Христу, что, кажется, врядъ ли нужно было это специально подчеркивать, «сословно ограничивать». Личная вѣр-

ность Христу, подвигъ личнаго исповѣдничества въ тѣхъ случаяхъ, когда требуютъ непосредственнаго отреченія отъ Христа, обязательнъ для всякаго — чѣмъ бы это ни грозило. Только при такой рѣшимости, готовности пострадать — даже до крови — за Христа, но не отречься отъ Него, и возможно принятіе совѣтской дѣйствительности, какъ «формы и условій дѣятельности».

**

По идеѣ, абстрактной схемѣ, всѣ виды и роды «соціалистическаго строительства» служатъ созданію безбожной культуры, ведутъ къ водворенію безбожія. И врачи, и инженеры, и рабочіе, и писатели, и художники, профессеры, словомъ всѣ, кто такъ или иначе связанъ съ общественной работой, съ культурой, словомъ вся Россія, — кромѣ служителей культъ, которымъ нѣтъ мѣста въ схемѣ «совѣтскаго устройенія», — по совѣтской теоріи государства и общества, является отрешенъ отъ Христа. Признать, что это такъ, значитъ подчиниться власти навожденія, поклониться, какъ идолу, абстрактной схемѣ, поддаться злымъ чарамъ черной магіи схемъ и понятій.

Предъ всякимъ вѣрующимъ встаетъ религиозный долгъ преодоленія призрачной, словесной силы бѣсовскаго навожденія, разрушенія ея. И путь преодоленія ея не испугъ предъ этимъ «принципіальнымъ» навожденіемъ, а пребываніе на своемъ мѣстѣ въ качествѣ воина Христова. Не признаніе надъ собой власти схемы, теоріи, а личный трудъ во имя Христа, ради Христа, чтобы силой подлинно житель-

ствующей, конкретной, являемой въ моемъ трудѣ, въ моемъ подвигѣ Правды Христовой во всемъ изгонялась, упраздняясь, отрицалась власть и сила пустоты, смерти, власть навожденія.

Вѣрующій педагогъ, врачъ, профессоръ, всякій вѣрующій труженикъ, именно потому что онъ вѣруеть въ силу Христову превозмогающую, **знаеть**, что содержаніе его труда, его творческаго подвига разрушаетъ, обличаетъ всю неправду схемы, обезсиливаетъ ее. И поэтому принимаетъ совѣтскую дѣйствительность, какъ «данность въ условіяхъ и формахъ которой, преодолевая, но не отменяя, приходится творить свое дѣло».

Когда же передъ нимъ, — не отвлеченно, не «вообще» — а въ данномъ, непосредственной жизнью выдвинутомъ случаѣ встаетъ вопросъ о томъ, со Христомъ онъ или отрешается отъ Христа — отвѣтъ его ясенъ и определенъ: «Христость Господь мой и Богъ мой».

**

Не намъ судить м. Сергія, не зная всего, не живя въ Россіи, не намъ называть его недобрыми словами. Вотъ здѣсь рѣшительно и безповоротно отрицаю право людей, подходящихъ къ дѣлу м. Сергія съ точки зрѣнія «этики» изрекать приговоры... Судъ надъ м. Сергіемъ принадлежитъ Русской Церкви и Богу. Относительно же «опасности» отказа отъ независимой церкви, возможности новой и добровольной отдачи ея въ плѣнъ государству — Богъ дасть, скажемъ въ слѣдующій разъ.

И. Лаговскій.